

На вопросы **Виктора Бакина**, члена Союза писателей России, отвечает первый лауреат Патриаршей литературной премии, Почётный гражданин Кировской области, замечательный русский писатель **Владимир Крупин**.

В.Б.: — *Но ведь не только город назван псевдонимом пламенного революционера, многие улицы по-прежнему носят имена иностранцев — Карла Маркса, Карла Либкнехта, Розы Люксембург. И возвращение исторических вятских названий — родных названий — встречает отчаянное сопротивление. И главный аргумент — привыкли. Как же сломать эту «болотную» привычку?*

В.К.: Отвечу статьёй, которая в Кирове неизвестна. Но неизвестна не по моей вине. Вот напечатать бы её. Разве в ней не всё правда? Отрывок из статьи «КАРЛЫ И КЛАРЫ УКРАЛИ ГОРОД»: «Когда вятский человек, живущий в городе Кирове, сообщает, что он собирается на Клару, а потом на Розу, в его словах нет ничего неприличного, ему надо побывать на улицах имени Клары Цеткин и Розы Люксембург. Конечно, это не улицы этих женщин, да женщин с такими именами и нет давно, это улицы, названные в их честь. Конечно, куда как более прилично и по-русски

звучало бы: «Сегодня буду на Спасской, завтра — на Никольской». Но вот пока Клара и Роза живут на вывесках в богоспасаемом граде Вятке, жителям приходится объясняться не совсем приличными фразами. Может, жители и привыкли, но ведь это дико звучит: «У меня квартира на Кларе». Или того чище: «Я живу в Кирове». Киров — это человек? Да. Так как же ты в нём живёшь? В какой его части? В голове? А, может, гораздо ниже?

Но пока идут суды-пересуды по возвращению исторического имени столице области, обратимся к названиям улиц в ней. Причём, это очень даже не локально-вятская проблема, а очень типичная для всех российских городов, и областных и районных. Вообще, немцы, приезжающие к нам, вполне могут думать, что они ходят по колониальным германским городам.

Итак, для начала обратимся к Розе и Кларе. Как они, заморские пташки, не бывавшие в Вятке, всё-таки залетели в вятские пределы? В революционном угаре, от которого угорели все, кроме его организаторов, они прежде всего старались убить всё русское. Особенно ненавидели назва-

---

* Продолжение. Начало см. в журналах «Литературные знакомства» № 1-2 за 2021 г.

ния улиц и селений, напоминающие о Боге. Называли своими именами. Это имена тех, кто убивал Россию. Мы живём на улицах имени убийц России. Уверен, что необходимо хотя бы кратко рассказать, кто они такие. Повторяю, их имена типичны вообще для всех городов и посёлков России.

Роза ЛЮКСЕМБУРГ. Учится музыке, в университете изучает юриспруденцию, тянется к революционерам. Организатор польской социал-демократической партии. Неистово левая, одобряет террор. Тесно сходится с Карлом Либкнехтом. В 1901-м — знакомство с Лениным, восхищение идеями красного террора. В революцию 1905-го года — организатор уличных беспорядков в Варшаве (тогда Варшава — часть России). От тюрьмы спасается фиктивным браком и принятием прусского гражданства. Преподаёт классовую политэкономию в партийной школе. Отстаивает идею использования военных трудностей для свержения правительств. Радикальна. Борьба для неё главное. Повторяет: «У меня нет личной жизни, только публичная». Хотя в личной жизни тоже весьма активна. Проповедует феминизм. Роман с сыном Клары Цеткин, который моложе её на пятнадцать лет. Организует «революционное» движение немецких проституток, выводит их на демонстрации. В первую мировую войну лозунги: «Обрушить молот на голову господствующих классов! Сломать сопротивление железным кулаком, с беспощадной энергией!». Создаёт

«Союз Спартака». Члены его бесчинствуют. Арестованная вместе с Карлом Либкнехтом, она не доживает до суда, толпа её растерзала. Её ненавидели за пролитую кровь, за то, что, угрожая пистолетом, заставляла бастовать. Труп бросили в канал.

Теперь о Кларе ЦЕТКИН. Нет, лучше вначале о Карле ЛИБКНЕХТЕ. Они и в скороговорку вошли, в ту, где у Клары Карл вчера украл кораллы. Хотя на это пригодились, на развитие речи. Карл — сын Вильгельма Либкнехта, друга Маркса и Энгельса. И Бебеля. Был на Вятке пароход «Бебель», укравший имя у одного из пароходов Булычевской кампании. Какого, легко установить. С детства Карл успешно учился и в гимназии, и в университетах, Лейпцигском и Берлинском. Служил в сапёрах. После адвокатура. Защищает, в основном, красных. У него много детей, которыми он не занимается. Занимается созданием «Юнгштурма», молодёжной террористической организации. Говорит, и справедливо: «У кого в руках молодёжь, у того и армия». Завоевывает внимание молодёжи, пьянствуя с нею ночи напролёт. Бредит кровью Парижской коммуны. В первую мировую, как и Ленин, выступает за поражение своей страны. «Гражданская война вместо гражданского мира!» Спартаконцы захватывают власть в Германии на два месяца. Далее арест, конвой в тюрьму, но толпа вырывает Карла у конвойных и расправляется с ним сама. В России за Карла большевики расстреляли

много заложников — обидно было, гасло пламя мирового пожара.

Клара ЦЕТКИН дожила до 1933 года. Из семьи учителей. Мать Жозефина учила дочку петь «Марсельезу». Дочка очень способная. Получила диплом учителя в женской семинарии, но вскоре бежит из дома с Осипом Цеткиным, беглецом из России. В записке пишет, что отряхивает с себя груз буржуазного прошлого, так как должна (кому? — В.К.) призвать рабочих к оружию. Муж умирает, Клара пропагандирует женское равноправие и «сексуальный феминизм». На Учредительном конгрессе Интернационала заявляет о разрушении семьи, ибо главное назначение женщины — революционная борьба. Устранение хозяйственной занятости поможет женщине обрести право менять сексуальных партнёров. По ходу борьбы вышла замуж за художника Цунделя, бывшего на 15 лет моложе. Она была обеспечена, и Цундель, обобрав её, сбежал от революционной жены. Именно Клара на конференции социалисток предложила отмечать день 8 марта. Из речи: «Над клокочущей, восстающей массой, подобно буреветникам, реют требования женщин: мира, хлеба, свободы, уравнения в правах». Устраивает праздники свободной любви для коммунистических боевиков. Мобилизует «сознательных» женщин, предлагающих любовь «сознательным рабочим, отказывающимся выполнять военные заказы». Регулярно вояжирует по России, затем по СССР. В Германии её не-

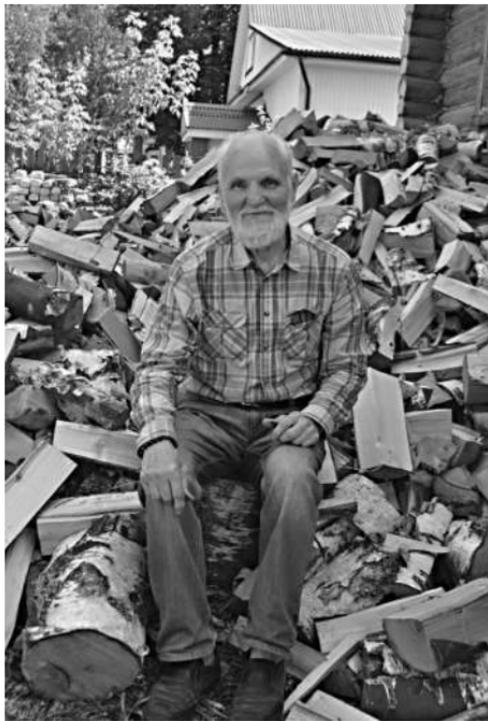
навидят. Спасая Клару, большевики привозят её на жительство в правительственный санаторий «Архангельское». После смерти сожжена и похоронена у Кремлёвской стены... Мы где живём? В России? Тогда причём тут Карлы и Клары? Где, например улица имени Шестой роты псковских десантников? Один их жертвенный подвиг в Чечне, когда они знали, что погибнут и не уклонились от сражения, перевешивает всю эту большевистскую нечисть, убивавшую Россию. Нечисть эта в аду, но нам-то зачем нам пачкаться её именами и фамилиями? И, наконец, где имя первого воина, первым водрузившего знамя над рейхстагом, Григория Булатова?

В.Б.: *Но вернёмся к повести «Вятская тетрадь», которая посвящена памяти Виктора Георгиевича Шумихина. Я его, к сожалению, не знал. Расскажите об этом человеке.*

В.К.: Виктор Шумихин был главным библиографом нашей любимой «Герценки», человеком редчайшей деликатности и порядочности. Знарок сложнейшей науки — библиографии. «Герценка» — женское царство, со всеми вытекающими отсюда проблемами. Но все, подчёркиваю, все женщины «Герценки» любили Виктора Георгиевича. А он любил жену Светлану, женщинам не из-за чего было ссориться. Он глядел на своё дело, как на возможность просвещать читателей знаниями веков. Вот у кого была энциклопедическая память. Вот кто всегда знал, что мне

надо прочесть, на что обратить внимание. Он много занимался проблемами книгоиздательства в Вятской губернии. Особенно выделял то, что, сравнительно с другими, вятские были далеко впереди всех по организации сельских библиотек. Писал о родине своей, о Малмыже, поддерживал молодого историка Владимира Семибратова. Очень болел, ходил с палочкой. Всё-таки в последние годы они получили квартиру на улице Маклина, рядом с библиотекой, а до того жили в районе «Мечты». Никогда не слышал никто от него никаких жалоб. Весёлый, шутил, умел и любил играть на гармонии. Говорил с улыбкой: «Я не нотник, я слухач», — исполнитель, воспринимающий мелодии на слух. В этом он близко сошёлся с другим слухачом, поэтом Анатолием Гребневым. Именно он выделил из всех пришедшую в отдел библиографии молоденькую выпускницу вуза Наденьку Гурьянову, почувствовав в ней призвание специалиста библиотечного дела, и прочил ей большое будущее. После его ухода я года три не мог зайти в «Герценку», она для меня без дорогого друга осиротела. Но потом печаль поборолла магнитная сила нашей любимой библиотеки. Тем более я видел, как бережно относятся в ней к памяти Виктора Шумихина.

В.Б.: *«Вятский характер покладист, он из тех характеров, на которых воду возят...»* — цитата из начальных страниц повести. По-прежнему так считаете?

В.К.: Это у меня от матери. «Какие-то мы, вятские, недотёпистые. Другие на пятак сделают, на рубль нахвалятся. А мы всё бочком да рёбрышком. Ни ступить, ни молвить. Всё осторожничаем. Никуда не лезем. Лишь бы нас не трогали». По себе сужу, по армии. У нас в призыве все были бойчее нас, вятских. Не успели мы оглянуться, как украинцы, особенно западэнцы, сидели уже в каптёрках, в хлеборезке, горьковские ставили рекорды в физподготовке, одни мы «через день на ремень» ходили в караул, на уборку территории, в посудомойку, кочегарку. Но интересно: к концу сержантской школы командовали отделениями именно вятские. Сра-

батьвала их добросовестность. Вспоминая напутствие отца: «От службы не бегай, на службу не напрашивайся». И материнское: «Наши впрягутся, так не вялягивают». По сути это от православного характера. «В редком доме Вятской губернии нет святынь из Палестины», это, по-моему, у Верещагина. Уже не помню. Но в книге «Вятская тетрадь» я писал о вятском характере гораздо подробнее. О его привязанности к семье, домовитости.

В.Б.: *А присказка «Землячество — понятие круглосуточное» много раз подтверждалось?*

В.К.: Да. Особенно не в самой Вятке, а за её пределами, по стране и за границей. Оторванность от родины увеличивает любовь к ней. По себе знаю. Конечно, так сразу ничего не вспомню, надо, чтоб к случаю. Да и не молоденькая уже память. Хотя пока не девичья. Интересно: слова сами приходят на память, когда пишешь что-то дельное.

В.Б.: *Вы много поездили в течение жизни, многое повидали. По-прежнему убеждены: в Вятке свои порядки?*

В.К.: Да, много ездил, плавал, летал, всего нагляделся, и всегда знал — лучше Вятки нет. А теперь вижу: «свои порядки» и в Вятке стали, как везде. Последние времена в России много переменявшие, и к нам подоברались. Нравственная обстановка заметно изменилась, это следствие пропаганды разврата, сытой жизни, непрерывной пошлости средств

массовой информации. Идёт целенаправленная война: отвлечь людей от спасения души, занять их время чем угодно, какими угодно зрелищами: ледовыми танцами, анализами ДНК, сериалами, непрерывными новостями об ужасах, анекдотами, всякой развлекухой — лишь бы не внушением того, что жизнь у каждого одна и что она мгновенна (я вчера был ребёнком, сегодня — старик). Вот этого нет уже и в Вятке. И что делать, не знаю. Только помню завет преподобного Серафима: спасись сам, и около тебя спасутся. Начни и продолжай с себя. С семьи. С понимания: вековечное правило «Без Бога ни до порога» касается, прежде всего, лично тебя. И помни: оно есть — малое стадо Христово. Войти в него — вот цель жизни.

В.Б.: *О Вятке заговорили. Так о «дымке» дивной замолвите слово, Владимир Николаевич.*

В.К.: Я «дымку» с детства любил, с коняшки, которая была в доме. С книги Дьяконова «Олень — золотые рога». Позднее из поездок в Вятку всегда привозил в Москву игрушки и раздаривал. Подарил одному писателю, а потом пришёл к нему и увидел — мой подарок сунули на полку рядом с кухонной раковиной. Ну, уж нет, я её там не оставил, взял обратно. Думаю, они и не заметили. А я стал аккуратен с подарками этой несказанной красоты. Жизнь свела и с мастерицами. Первый раз выступал у них на улице Труда в 1974-м

году, тогда же сдружился с Виктором Харловым, там у него была мастерская. О нашей милой «дымке» много писал. Даже целую повесть для детей: «В Дымковской слободе». Эту слободу всю исходил. Искусствовед Генриетта Киселёва познакомила меня с «последней из могикан» дымковской мастерицей, забыл её имя. Она работала в Дымково по старинке, обжигала игрушки в русской печи. Знакомство с нею помогло мне в написании. В повести я дал ей фамилию Надежда Шумихина, в память о друге. Знаю, сейчас мастерицам нелегко. В начале 90-х, когда всё было насильно сорвано со своих мест, появились «дымковские» в кавычках игрушки, дорогие штамповки, которые, конечно, убивали подлинное производство этого чуда народного творчества. Уверен, надеюсь: «дымка» выживет. Из других глиняных игрушек, я все изучал: и каргопольскую, и филимоновскую, наша, несомненно, лучшая. Думаю, помогать мастерицам — долг вятских властей.

В.Б.: *Валентина Петровна Племянникова, дымковская мастерица, с которой у нас говорено-переговорено, тепло вспоминает встречи с В. Г. Распутиным. Она даже персональную выставку в Иркутске однажды проводила, и писатель ей активно помогал. У неё до сих пор отдельная мастерская около Спасского собора в Вятке. Помните её мастерскую?*

В.К.: Ещё бы! Сколько мы там с Гребневым бывали, как радостны

были встречи. Валя — человек незаурядный. Первый раз шла на Крестный ход разодетая, потом как все крестоходцы, а потом уже и с внуками шла. И Борнякова шла. У Борняковой есть даже серия типов крестоходцев. У Верещагиной тоже много православных мотивов в игрушках.

В.Б.: *Всегда радостно, когда о нашей замечательной игрушке узнают другие города и веси. Вот на днях мне прислали журнал с Алтая, с родины Шукишина — «Бийский Вестник». И там и на обложке «дымка», и внутри несколько цветных вкладышей с игрушкой, и даже снимок наших мастериц — Нины Петровны Борняковой и её дочери Евгении Георгиевны Белых. Ну, и мой очерк об этом уникальном вятском промысле под названием «Дымка дивная». Умилительно всё это...*

В.К.: Ну, друг дорогой, спасибо! «Бийский вестник» — хороший журнал. Как прекрасно преподнесли нашу любимую «дымочку». Ваш очерк помню и статьи о мастерицах — тоже. А вот уже молодняк «дымки» мне не знаком. Но то, что он есть — это счастье. Красота будет жить!

В.Б.: *Да, хочется надеяться: красота «дымки» будет жить. О чём исконно вятском ещё необходимо постоянно вспоминать и рассказывать, чтобы наша жизнь была и добрее, и краше?*

В.К.: У нас, вятских, такое количество людей, которые принесли своими трудами славу России, мировой науке, технике, медицине, культуре,

спорту, и при этом оставались простыми, доступными и хранящими любовь к родине. Я не люблю слова «малая родина», какая же она малая? Как сказал поэт: «Не может родина быть малой с такой великою душой». Вот и надо вспоминать и рассказывать о таких людях, давать молодёжи примеры для подражания. А природа наша! Да есть ли ещё где краше? Какие Европы имеют такие просторные луга, такие высокие леса, основные боры, красавицы-реки, такое разнотравье, такое весеннее ликование цветения и такую сверхзолотую долгую осень. Такие сверкающие снега, такие ослепительные лунные ночи, такую россыпь серебряных звёзд? Не знаю, кто как, но я много ездил по миру и мне есть с чем сравнивать милую мою Вятку. Ничего равного ей нет. Да, знаю, другие скажут: нет, а моя родина лучше. И хорошо. У каждого человека должно быть понимание: Господь вывел его на Божий свет именно в этом месте, и неслучайно.

В.Б.: *Как возьму в руки вашу «Вятскую тетрадь», так сразу и улыбнусь: невольно вспоминаются весёлые истории о том, как в Турцию целили и шестеро полегло, о том, как «идёт мировая война, а воют одни вятские...» Добавьте в мою коллекцию новых анекдотов о вятских-хватских, Владимир Николаевич.*

В.К.: Мне понравилась добавка в серию Вятские — люди хватские..., а дальше были продолжения: семеро одного не боятся... всемером стоят на

стогу, один подаёт и кричат: «не заваливай!» ...столько семеро не зарабатывают, сколько один пропьёт... Так вот, понравилась редакция, раньше не слышал: «Вятские — люди хватские: семеро одного войска не боятся». Добавил бы ещё: «Вятские — люди хватские: имени города своего боятся». Вариант: «имени города своего стыдятся». Ну, что ещё, как ещё сказать о необходимости возвращения имени Вятка? Вятскую упёртость можно вводить в поговорку, например: «У меня муж, как вятч, упёртый...» далее по тексту.

В.Б.: *Заканчивая «Вятскую тетрадь, вы пишете: «...Научиться любить, научиться прощать, научиться делать добро — вот тогда мы будем бессмертны. Что б ни происходило с тобою, Отечество моё, люблю тебя и навсегда знаю: любовь к Отечеству — почти единственное, что может спасти от упадка духа...» Как же обрести эту любовь в наше раздراиное время, как её сберечь?*

В.К.: Когда писал, так и думал, как написал. И доселе так считаю. Любовь к Отечеству не приобретается, это врождённое чувство. Не может же быть такого детства, в котором всё беспросветно. Любовь к родине надо беречь. Если нет, то усилием воли можно сказать себе: моя родина — самая лучшая. Понимаю: отвечаю несколько косноязычно, но любовь не нуждается в словах. Сидишь с любимой девушкой на скамье у реки, молчишь. А так хорошо!

В.Б.: «...Мы идём к своим святыням, мы создаём свою душу, мы отмаливаем свои грехи, становимся лучше, и уже, дай Бог, наши молитвы о России, за Россию доходят до престола Господня...» *Какие проникновенные, какие волнительные строки! Помните, когда их написали, Владимир Николаевич?*

В.К.: Скорее всего, когда первый раз прошёл дорогами Великоорецкого Крестного хода. Когда видел эту единую молитву, это единодушные идущих. А ведь шло всего человек двести. Потом и по 60–70 тысяч бывало, молитва крепла. Крепла и моя уверенность в бессмертии православной России. Да, тогда и написалось это, вылилось из сердца.

В.Б.: *А самое первое посещение села Великоорецкого памятно? Во время крестного хода это было или ещё раньше?*

В.К.: Гораздо раньше. Благодаря Виктору Шумихину в конце 70-х — начале 80-х я засел за «Вятскую тетрадь». А как в истории Вятки обойтись без Крестного хода на Великую, как? Да никак. Стал читать много о его истории, узнал некоторых ветеранов-крестоходцев. И был уже знаком со священниками епархии. И меня пригласил батюшка, не помню, к сожалению имени, он откуда-то из южных мест, поехать в Великоорецкое. Помню его почти детский восторг перед видами нашей земли. Тогда я и испил великорецкой водички. Тогда и возмечтал купить дом в этом великом селе. Что потом

и осуществилось. Тогда и задумал повесть «Великорецкая купель». Я же многое уже знал из истории издевательств большевиков и коммунистов над крестоходцами, знал великого Прокопия Ивановича, многолетнего проводника паломников на Великую. Но, уже начав писать, понимал: пишу я о крестоходцах аки барин какой: не ходил с ними, а смею писать. И вот в 1991-м пошёл. Знакомые мои, Наталья Злыгостева, её подруги, прошли на год раньше. Я пошёл с ними. А на Крестном ходу прибил к чепецким молитвенникам. Составилась у нас такая бригада. Потом мы, по благословению священноначалия, ушли раньше начала Крестного хода вперёд, в тогда совсем разрушенное Горохово, и там готовили встречу крестоходцев. То есть расчищали заросшие дороги, пробивали пути к источникам, потом оборудовали купели для погружения. Мы и доселе дружим. И недавно ходили устанавливать Крест на истоке реки Вятки. Отсюда и мои писательские труды. Та же «Великорецкая купель», «Крестный ход», «Неделя в раю»...

В.Б.: *Никольский храм, Преображенская церковь, колокольня... В каком это всё было состоянии?*

В.К.: В Никольском, Преображенском были хранилища зерна, на колокольне росли берёзы, келейные корпуса в развале. И всё равно душевное состояние радости: ты — в Богоспасеюмом русском селе. Вот именно здесь были многие и многие тысячи молит-

венников, и продолжалось это многие и многие годы. И не могли пропасть молитвы наших предшественников. И пришла наша очередь молиться за Россию.

В.Б.: *Расскажите историю приобретения дома в Великорецком. Часто ли в нём жили? Хорошо ли здесь работалось?*

В.К.: Приобрести было легко, но жить в нём не пришлось почти несколько. Были приезды. Но всегда такие краткие. Всегда куда-то торопился. Самый памятный зимний приезд с редакцией «Нашего современника»: Станислав Куняев, Валентин Распутин, Геннадий Гусев, Анатолий Гребнев, Валерий Фокин, Николай Пересторонин. Об этом журналист Ольга Журавлёва сняла репортаж. Летом, подряд несколько лет, дом служил пристанищем для крестоходцев, а так в нём жили другие. Потом у меня был второй этаж в угловом доме около колокольни. Там тоже в дни 5–6-го июня жило человек по 40–50–60. Сейчас этот дом принадлежит монастырю. И это хорошо.

В.Б.: *А берег? Место обретения иконы? Были ли они как-то прибраны?*

В.К.: Да, конечно. Многократно встречал женщин, молящихся и следящих за порядком. Но тут надо что сказать: около этого пня, оставшегося от сосны, на которой по преданию явлена икона, было в дни прихода Крестного хода на Великую какое-то шаманское камлание. Вдобавок, там ещё рядом была ещё одна сосна, уце-

левшая, она на склоне стояла, уцепившись за него корнями. И под эти корни всегда пролезали многие паломники, веруя в спасительную силу такого поклонения. Конечно, это отголоски язычества. Но и свечи всю ночь горели, и всё время Акафист святителю Николаю читался. То есть место это чтилось. В память о тех, кто сохранил для нас великое спасительное чудо Великорецкого Крестного хода.

В.Б.: *«Великорецкая купель» посвящена крестоходцам, которые ходили ещё в советское время, когда крестный ход был под официальным запретом. Но вы писали это произведение, не пройдя самостоятельно этот нелёгкий путь на реку Великую. Поэтому и чувствовали определённую вину?*

В.К.: Вина была, но легко исправима: суши сухари да иди со всеми. Я и пошёл.

В.Б.: *Но ведь привычки ходить на такие большие расстояния у современного городского жителя нет. А Великорецкий крестный ход — 150 километров. Что помогало?*

В.К.: Вы в городские жители меня не записывайте: я был и остаюсь вятским, больше того, сельским. Любимое моё дело — ходить пешком. От того так невыносимо-тягостно мне в карантине. Я всегда, где только можно, хожу пешком. Это совсем не для выживания, это любовь к движению. Если я не хожу, я не могу ни думать, ни работать. Поэтому Крестный ход для меня — вода, а я рыба в ней.

В.Б.: *Главный герой повести Николай Иванович — это собирательный образ? Или такой человек действительно жил на Вятке?*

В.К.: Это образ и собирательный, и реальный. Долгие годы проводником старух был Прокопий Иванович. С ним меня старухи (после долгих колебаний) познакомили. Жаль, встреча была одна. Но и её хватило для понимания его подвига. Тем более, мне о нём много рассказывали. А линия жизни уже моего героя Николая Ивановича, его приезд в Святополье — это тоже всё подлинно. Святополье — это, конечно, гребневское Чистополье. Там и Арсеня, и Гена, и Ольга Сергеевна, и Толя Петрович и остальные — все подлинные жители. И похороны описываю, и поминки, — всё мною пережитое. И названия умерших деревень реальные. Я вообще мало что могу выдумывать. Так же и Маргаритушку не смог бы описать по рассказам, пока уже сам не познакомился с нею на Крестном пути.

В.Б.: *Помнится, во время выхода и обсуждения этой повести бытовало мнение: для Шлемкина, уполномоченного по делам религии, вы не пожалели чёрной краски, совсем не увидели в нём человека. Не согласны?*

В.К.: Согласен. Более того, этот уполномоченный ко мне подходил в «Герценке» и упрекал за эту «одну чёрную краску». Но поговорили мирно. Тем более, он в жизни никакой не Шлемкин, так что в повести он — собирательный образ. Я про этих упол-

номоченных и наслышался, и начался. Как они гнали православных. Но вера от гонений крепла.

В.Б.: *Было ли душевное удовлетворение от «Великорецкой купели» или понимали, что сказано далеко не всё? И что нужно, непременно нужно самому молитвенно потрудиться на этих непростых великорецких вёрстах?*

В.К.: Не знаю, как у других, у меня после окончания работы обычно только усталость и понимание: в замысле всё было лучше, ожидания не оправдались. И, конечно, спасительные Крестные ходы были уже не литературой, великорецкие вёрсты целительны и памятны.

В.Б.: *Пожалуй, у каждого участника крестного хода есть небольшие секреты. Я, например, на привалах непременно наталкивал в носки листы свежей крапивы — прекрасно помогают от мозолей. А на общем застолье выкладывал все съестные припасы с тайной надеждой: товарищи побольше съедят, и тогда мой заплечный рюкзак будет полегче... Идти старался в первой трети хода, тогда на останках выгадывалось больше времени на отдых. И, конечно, избегал шагать по асфальту — здесь ноги сбиваются быстрее... А какие у вас крестоходные «премудрости»?*

В.К.: Да всё то же самое. Старался побольше босиком идти. На привале поскорее прилечь. В пути Богородицу читать, Иисусову молитву. Молился за жену, детей, внуков, за Россию. Ста-

рался, хотя и трудно, меньше праздных разговоров вести. Держаться своих. Стараться не думать в начале пути о том, какой же впереди огромный день. Природой любовался. Конечно, и гнус, и жара, а то и холод. Но как всё потом радостно вспоминается.

В.Б.: *Сколько бы крестных ходов у тебя за плечами ни было, всё равно непременно вспоминается самый первый. У меня он случился в 2005-м. Даже по словам опытных крестоходцев тот крестный ход был одним из самых тяжёлых. Три дня сплошного дождя до Великорецкого — так, что просто невозможно было просушить одежду. И два дня страшной жары на обратном пути... А каким помнится самый первый ход для вас?*

В.К.: И я помню этот «ноль пятый». А до него уже было четырнадцать ходов. И жара была, и грады были, и ливни, всё не упомнишь. Сейчас в памяти вспыхивают многократно пройденные места, ночлеги, молитвы, причащения в Великорецком. И, конечно, братья и сестры крестоходцы.

В.Б.: *У меня хранится фотография: возвращаясь босиком с реки, мы стоим на фоне колокольни — вы, Владимир Николаевич, ваш покорный слуга и два поэта — Владимир Соколов и Алексей Смоленцев. По-моему, это 2008 год... И я хорошо помню, как долго мы тогда преодолевали этот небольшой по расстоянию подъём — от реки до села. Почему долго? Потому что буквально на каждом шагу вас узнавали и при-*

ветствовали, или просили ответить на какие-то вопросы. И вы останавливались и вступали в любезную беседу. Помните эти мгновения?

В.К.: Вы напомнили, я и вспомнил. У нас очень благодарные люди: велика ли моя заслуга — написал о Крестном ходе, а люди прочли, запомнили, благодарят. Не то, чтобы я вступал в беседу, но надо же человека поблагодарить, руку пожать, на вопросы ответить. Внимание читателей дорого. Тем более сейчас, когда писателей скоро будет больше, чем читателей.

В.Б.: *Или ещё памятный эпизод из нашего совместного крестохождения. На одном из привалов вы решили оставить разношенные ботинки. Повесили аккуратно их на деревце и пошли дальше. А кто-то из паломников подумал, что вы забыли обувь. И на очередной остановке эти башмаки вам торжественно вручили... Вспомнили эту «потерю», Владимир Николаевич?*

В.К.: Да, видимо, мои башмаки обо мне затосковали, не перенесли разлуки и воззвали к идущим. А кто-то сказал, что видел меня разутым. Но не помню, чтобы мы так их «аккуратно повесили».

В.Б.: *Я почему все эти «милые мелочи» сейчас вспомнил. Мне кажется, одна из основных задач повести «Крестный ход» и состояла именно в том, чтобы показать внутренний мир Великорецкого крестного хода, порой удивительную братскую заботу паломников друг о друге. Или я не прав?*

В.К.: Конечно, и такие мелочи вспоминаются, и мозоли, и клещи, и комары, но главное остаётся — школа молитвы Крестного хода. Не просто временной молитвы, а запаса молитвы на будущее время. От молитвы крепнет душа, от неё становишься милосерднее. И легче жить, когда ты увидел таких людей.

В.Б.: *Каких?*

В.К.: Полных любви и сострадания к другим.

В.Б.: *В начале 90-х, когда у вас вышла повесть «Крестный ход», в одной из публицистических статей «Мы без России — пыль придорожная» вы предупреждали: «Нас оккупирует не чужая армия, а чужие деньги и нравы. Мы можем перестать быть русскими...» Прошло без малого тридцать лет. Вам не кажется, что в русских русского становится всё меньше?*

В.К.: Страшно признаться в этом, но это так. Единственное утешает: есть Малое стадо, сгрудилось около Православной Церкви. Оно есть, оно крепкое, оно непобедимое. Есть и Корабль спасения, который идёт по волнам житейского моря. Попасть в Малое стадо и из него не выпасть, подняться на Корабль спасения и не вывалиться за борт — вот цель нашей земной жизни. Жалко, конечно, ещё бы не жалко этих несчастных егэнедоумков, которым вдолбили: предыдущие поколения русских людей — это ватники, совки, колорады, вся русская жизнь — это сплошной

ГУЛАГ, Россия — агрессор, Америка — миротворец. Бедные вы, бедные. Не видывали вы, не чувствовали такого взлёта любви к Отечеству, такого сияния сердечного патриотизма и готовности умереть за России, какое согревает нас всю жизнь. С чем и уйдём. Самое страшное — уходить на небеса с горем в душе, что не подхвачены твои знамёна, твои хоругви, твои молитвы. Значит, плохо передаём эстафету. Прости нас, Господи!

В.Б.: *Горькие слова, Владимир Николаевич. Но вспомню мальчишку на установке креста на истоке Вятки, который камешек нёс не по возрасту и с упорством, и как-то теплее и волнительнее на душе. Есть, есть смена, а значит, есть и надежда...*

В.К.: Ну, если бы не было, тут ложись и помирай.

В.Б.: *Повесть «Неделя в раю», написанная совсем недавно, — это некое завершение трилогии о Великоорецком крестном ходе?*

В.К.: Может быть, так. Много написал я о Крестном ходе. Он меня волновал, вспоминался. Теперь память о нём гаснет и оживает к его началу. Нынче тоже о нём писал, но уже письмо-увещевание: крестоходцам не своевольничать, слушать священноначалие. Но они прошли, и я знал, что пойдут, и переживал за них. Особенно меня поразило: жители писали объявления, что не предоставляют паломникам ночлега. И это мои земляки? Русские? Вятские? Да даже при

коммунистах, которые гоняли старух, разве такое было возможно? Стыдно за жителей и Великорецкого, и Монастырщины, и Бобино. Но никого не осуждаю. В Мурьгино и Медянах

вроде не писали. Навсегда буду благодарен Крестному ходу за обретение молитвенного состояния. А писать о нём? Не знаю, как Бог даст.